

Себастьян Жапризо

ОДЕРЖИМЫЙ
ЖЕНЩИНАМИ

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

Sébastien Japrisot

LA PASSION
DES FEMMES

– А если б он не видел тебя во сне,
где бы, интересно, ты была?

– Там, где я есть, конечно, –
сказала Алиса.

– А вот и ошибаешься, – возразил
с презрением Траляля. – Тебя бы
тогда вообще не было! Ты просто
с니шься ему во сне.

Льюис Кэррол
(пер. Н. Демуровой)

ДВАДЦАТЬ ЧАСОВ ПЯТНАДЦАТЬ МИНУТ

Внезапно этот молодой упрямец говорит себе, что пойдет туда, и действительно идет.

Он с трудом отрывается от песка, снова встает на ноги, прижимая правую руку к этой дряни, испачкавшей его белую рубашку-поло.

Далеко, насколько хватает глаз, несмотря на слепивший его пот, струившийся по лицу, – или то были слезы усталости? – простираются безлюдный пляж и океан.

В этот час на исходе дня, когда круглый солнечный диск стоит над горизонтом, а на песке валяется забытый детский мяч, тоже красный, как пятно на его белой рубашке, в этот час, когда в ресторанах отелей уже раздаются первые приглушенные голоса, первые поскрипывания отодвигаемых стульев, когда забывчивые дети в незнакомых для них гостиничных номерах с плачем начинают требовать свой мячик, не желая отправляться спать; так вот, вдали от всего живого, на огромном безлюдном пляже слышны лишь крики чаек и плеск набегающих волн.

Этот молодой упрямец – так он себя называет – идет, пошатываясь, вдоль океана, согнувшись от раны, он не знает ни откуда, ни куда он направляется, знает только, что нужно двигаться вперед, шаг за шагом, пока ноги могут его нести, пока он снова не рухнет навзничь.

Сколько раз он уже так падал и поднимался? Он помнит, как лежал ничком на песке, в самом начале, будто в нескончаемом страшном сне. Солнце стояло высоко и обжигало. Он был без сознания, уносился, не двигаясь, в мир нерожденных, лежащих во чреве, но чувствовал, как солнце обжигает спину, чувствовал эту липкую дрянь на своей груди. И тогда, в ту самую секунду, когда он снова собирался открыть глаза, возникло свежее и блаженное видение, уже забытое, но которое ему хотелось бы удержать.

Теперь – один шаг, другой, всей тяжестью тела он устремлен вперед, он понимает, что склон ведет его к пене волн, что ему нужно держаться подальше, иначе при следующем падении вода утянет его за собой, и все будет кончено.

Этот молодой упрямец все равно умрет, так он думает сам. Его уже пожирает адское пламя. Он больше не может бежать. Не может ходить. Если бы он на мгновение остановился – но он не должен этого делать, – если бы мог осмотреться, несмотря на пот и песок, он увидел бы, что ему неоткуда ждать помощи и не к кому обратиться, что он один, а грудь продырявлена выстрелом из ружья, что уже слишком долго жизнь истекает из него через эту рану и что лучшее, что можно сделать, или самое разумное, это повернуть назад, чтобы не утонуть.

Но он не поворачивает, из последних сил наискось пересекает пляж, карабкается по склону, качаясь, словно пьяный, и снова падает.

Сначала он с трудом, задыхаясь, встает на колени. Опирается на руки и на локти, чтобы отвоевать еще несколько метров суши у океана. А потом, понимая, что дальше ему не продвинуться, он падает навзничь с открытыми глазами.

Даже небо пустынно.

Воображение молодого человека безудержно. «Через час, через два, – думает он, – луна поднимется как раз в эту точку и тогда две луны отразятся в моих потухших зрачках».

«А может, и нет, – говорит он себе. – Через час, через два, волны прилива, влекомые луной, возможно, накроют меня и унесут в океан. Меня никогда не найдут или когда-нибудь какой-то рыбак, невесть где, в любом месте от этого берега и до самой Америки, невесть когда, выудит меня своими сетями вместе с косяками макрели, которые обглодают меня до костей».

Он закрывает глаза.

Пытается вспомнить так понравившийся ему образ, который предстал перед ним, когда он только что пришел в себя, перед тем как поднес руку к груди и обнаружил этот ужас. Но не может.

«Если прилив подхватит его, – говорит он себе, – меня найдут, спросят тех, кто знал меня. В течение месяцев или даже лет, до тех пор, пока придется отказаться от надежды увидеть меня живым, я останусь в памяти других молодым авантюристом, о котором говорят, понизив голос: тот, что исчез одним летним вечером на этом злосчастном пляже, не оставив никаких следов».

Он с трудом приподнимается на локте, чтобы взглянуть на свои следы на песке, понять, какой путь он прошел. Но песок не сохранил никаких следов – его перемешивает ветер и вылизывают волны. Он прекрасно помнит детский мяч, который валялся рядом с ним, когда он в последний раз двинулся по берегу, но похоже, что этот мяч существовал только в его воображении или же потерялся из виду, лежит где-то в яме, черт знает где, совсем рядом.

Он снова закрывает глаза, вытянувшись на спине, тихонько дышит. Ему не больно. И даже не страшно. Интересно, как долго он еще будет чувствовать, как у него под рукой бьется сердце? И если повезет, то прежде, чем все замрет – его сердце, заходящее солнце, завихрения галактик, – он снова увидит этот образ, который понравился ему и теперь от него ускользает. Наверное, это видение тоже будут допрашивать, когда скопище макрелей сожрет ему мозг. И вся правда, и ложь, и обман, все это – под мерный стрекот стертых клавиш пишущей машинки секретаря суда – еще больше запутает прискорбную тайну его конца.

А потом, так, этот молодой искатель приключений будто поудобнее устраивается в будущем, чтобы дать волю своему безудержному воображению, он чувствует, как его окутывает аромат олеандров, слышит смех, и внезапно забытое видение снова приходит к нему, такое же сияющее, как и в первый раз, такое умиротворяющее, такое реальное, что он просто обязан считать его знаком свыше.

Светловолосая девушка в платье белого муслина с поразительно счастливым лицом летит прямо на него на качелях, как порыв ветра, у нее голые руки и ноги, лицо озарено солнцем. И когда, достигнув

самой высокой точки, она улетает вниз и исчезает, появляется другая, страстная как цыганка, она рассекает ослепительное небо, у нее невообразимо черные глаза, она заслоняет немислимо жаркое сердце, она возникает и тоже исчезает, чтобы уступить место третьей с осанкой маркизы и дерзко-бесстыдным лицом, облако ее юбок источает запах меда и олеандров.

Его сердце с каждым новым видением замирает все сильнее, он насчитал их уже четыре, пять, он приходит в возбуждение от смелого декольте, обнажающего золотистую грудь, или от промелькнувшей полоски кожи над шелковым чулком, он мог бы насчитать шесть или семь или даже десять девушек, летящих вверх и вниз на качелях, все они останутся в памяти, но он никогда не забудет ту, первую, ее лебединую шею, волнующую гибкость стана, взгляд, приносящий счастье.

«И если я действительно должен покинуть этот мир, то лучше с мыслью о ней», – думает тогда этот распластавшийся на песке молодой человек, которого хранит одна счастливая звезда.

Потому что именно так чаще всего он представлял себя, когда о нем заходила речь.

ЭММА

Мне только что исполнилось двадцать.

Я работала художницей в рекламном агентстве – в то время еще говорили «в рекламном бюро», окна которого выходили на порт Сен-Жюльен-де-л’Осеан. У меня еще совсем не было опыта, но все, не сговариваясь, считали меня приветливой и скромной, покладистой с начальством и очень старательной.

Я вышла замуж за управляющего.

На свадебное путешествие нам отвели десять дней в августе, и мы собирались поехать на машине в Испанию. Мой жених, мсье Северен, купил и переоборудовал старый фургон, который в войну использовали как карету скорой помощи. Разумеется, я имею в виду Первую мировую. Позади переднего сиденья были две койки с постельными принадлежностями, основание которых служило одновременно шкафом, рукомойник с бачком для воды, и что-то типа стола для готовки. Мой жених собственноручно перекрасил кузов машины в грязно-желтый цвет, который торжественно именовал художественно-желтым, но поскольку он никогда не имел дела с живописью, то по бокам еще проступали два красных креста.

Свадебный обед проходил в Отель-де-Бэн, там играл джаз-банд и проводились игры – призом неизменно был поцелуй. По-моему, я была всем довольна, разве что мой жених, вернее, мой муж ходил от стола к столу с бокалом и по своему обыкновению говорил слишком громко, а я волновалась, ведь нам предстояло двинуться в путь на закате, а он терпеть не мог, чтобы я садилась за руль.

Часов в семь или восемь гости, которые все подходили и подходили, стали направляться на кухню, где принимались за еду с удвоенной силой, при этом шутя и смеясь. Мы воспользовались этим и скрылись. Я поцеловала родителей, которые опускали глаза, чтобы не выдать своих чувств. Я впервые расставалась с ними. У моего мужа не было близких родственников, кроме старшего брата, которого много лет назад во время какого-то спора по поводу лошади муж укусил за ухо, и с тех пор они не общались. Насколько я помню, к моменту нашей свадьбы эта лошадь уже давно сдохла.

Весь день я изо всех сил старалась не испортить свое красивое белое платье, в котором выходили замуж мои мама и бабушка. Одна дама из Ре, которая славилась своим портновским талантом, слегка переделала его в угоду последней моде. У меня осталась фотография, сделанная на ступенях церкви после венчания, я прилагаю ее к своим показаниям, чтобы вы увидели, как изумительно я была одета, несмотря на свои скромные средства, а также, как вы могли догадаться, чтобы показать, какой я была в двадцать лет, всего за несколько часов до тех событий, которые поломали всю мою жизнь. Можете не возвращать ее мне. Мне ни разу не хватило смелости сжечь ее, потому что рядом со мной на ней стоят родители, и я не могу смотреть на нее без слез.

На черно-белом снимке формата почтовой открытки Эмма выглядит довольно высокой молодой женщиной. У нее хорошая фигура, вероятно, голубые глаза, она улыбается с несколько меланхоличным видом. Платье из кружев и атласа действительно очень красивое. Густые волосы уложены в высокую прическу, которая крепится

венком из флердоранжа, лоб обрамляют искусно уложенные локоны. Ее супруг, Северен, одетый в серый фрак, – софокалетный мужчина, коротконогий, с острым подбородком, держится самоуверенно. (Примечания Мари-Мартины Лепаж, адвоката суда.)

Мы двинулись в путь, но, вероятно, никто даже не заметил нашего отсутствия. Я испытала облегчение, поскольку во время всего обеда выслушивала многочисленные шуточки и намеки по поводу нашего предстоящего отъезда. В то время я была довольно робкой.

Мой муж очень устал за день, он давно снял фрак и ослабил галстук. Бросил их на сиденье фургона, когда сел за руль. Я выглядела так же, как утром, разве что распустила волосы и положила венки на колени.

Сен-Жюльен-де-л'Осеан – это бальнеологический курорт, расположенный на оконечности вытянутого полуострова, который называют Коса двух Америк. Сегодня его затмили Фура и Марен, но в то время зимой здесь отдыхало до тысячи человек, а в летний сезон – не меньше пяти... Вдоль всей дороги, ведущей на материк, устричные садки чередовались с пастбищами, которые заливало во время приливов. Помню, что следом за нами в вечерней дымке двигалось огромное красное солнце, скользя по водной глади.

Мы еще не выехали с полуострова, когда уже наступила ночь. Муж, разморенный от вина, не засыпал только потому, что машину трясло на кочках и ухабах. Я не осмеливалась сделать ему замечание, поскольку любые независимые суждения приводили его в ярость, а еще и потому, что мне трудно

было отказаться от привычки быть его подчиненной. Наконец он сам с уверенностью хозяина положил руку мне на колено и крикнул – нужно было повышать голос, чтобы расслышать друг друга: «Здесь мы проведем первую брачную ночь, пока я еще на что-то способен!»

Он остановил машину, съехав с дороги, на опушке соснового бора. Мы вышли из фургона, каждый со своей стороны, чтобы войти в него сзади, туда, что он называл «любовным гнездышком». Почти полная луна уже стояла в небе, усеянном звездами. Я на секунду замешкалась, чтобы насладиться прохладой и послушать пение ночных птиц.

Когда я залезла внутрь, Северен зажег керосиновую лампу и надел пижаму, купленную на этот случай: она была ярко-голубая, в черную и желтую полоску, а на ее нагрудном кармашке были вышиты его инициалы. Он сказал мне горделиво и слегка наигранно:

– Я все предусмотрел.

Он открыл один из ящиков под койкой, вытащил бутылку шампанского и два металлических бокала. Мне пить не хотелось, но я пригубила, чтобы не ссориться. Потом, поскольку я молча, не поднимая глаз, сидела на одном из матрасов, он вздохнул:

– Хорошо. Я понял.

Закурил сигарету и вышел из фургона пройтись, пока я раздевалась. Прикрывая дверные створки, которые он оставил открытыми, я увидела, что он пошел и сел где-то неподалеку, на насыпи.

Я расстегнула платье и осторожно сняла его через голову. Вероятно, из-за шуршания ткани у самых ушей я не услышала никакого другого шума, но вдруг почувствовала, как кто-то схватил меня поперек

тела и грубо зажал рот. Я даже не успела подумать, что это дурацкая шутка моего мужа. Чей-то чужой сдавленный голос тихо приказал мне:

– Замолчите! Не двигайтесь!

Мне показалось, что сердце выпрыгивает у меня из груди.

Руки, державшие меня, опрокинули меня назад, почти оторвав от пола. При свете лампы я увидела высокого, наголо обритого парня с бородой в грубой полотняной рубаше. От него несло болотом. Я была прижата к нему и только по звуку догадалась, что он запирает дверь фургона.

Затем он лихорадочно прошептал:

– Если будете меня слушаться, ничего плохого с вами не будет.

Он склонился надо мной, его темные глаза не отрываясь смотрели прямо в мои. Я не знала, что сделать, чтобы он понял, что душит меня, но, должно быть, он прочел в моем взгляде, что я слишком испугана, чтобы защищаться, так что убрал руку, зажимавшую мне рот. Не дав мне времени прийти в себя, он потащил меня, полуголую и задыхающуюся, к водительскому сиденью, продолжая говорить тем же глухим и лихорадочным голосом:

– Вы сядете за руль. Едем.

При этом он успел задуть лампу. Я хотела ответить чистую правду, что почти не умею водить машину, но он перебил:

– Слушайте, что говорят, или я вас убью!

Я перешагнула через спинку сиденья. Он остался позади, сдавив мне шею. Я не помнила, что нужно делать, чтобы завести мотор. Ощупью нашла зажигание. Тогда мужчина перегнулся через мое плечо, пока я оставалась в полной темноте, и включил фары.

Изо всех сил выворачивая руль, чтобы выехать на дорогу, я услышала, как, упав на пол, зазвенели бутылка искристого и бокалы. Мой безумный взгляд выхватил на дороге силуэт мужа. Заслышав мотор, он вскочил со своего места, босиком, и если я не могла разглядеть выражения его лица, то его жуткая неподвижность говорила об охватившем его потрясении. Да простит меня Господь, ну вылитый бедолага, брошенный в свадебную ночь в пижаме неизвестно где.

Мы ехали в сторону материка. Мужчина терял терпение и орал мне прямо в ухо, чтобы я поторопливалась. Я ехала так быстро, как могла, но наша колымага с мотором «как новый» едва выжимала шестьдесят.

При выезде с полуострова начинался тридцатиметровый мост через засыпанный песком морской пролив, который заливает только во время равноденствия, когда приливы особенно высокие. Задолго до моста мужчина велел мне остановиться и выключить фары. Я обернулась, чтобы на него посмотреть. Он сидел на койке, куда я положила свое платье, шнурки его грубых ботинок были развязаны. Его брюки и рубаха из того же толстого полотна были выпачканы грязью.

Он связал шнурки в один, потом внезапно, как кот, вскочил на ноги и сорвал у меня с шеи, сильно дернув, висевшую на ней цепочку. Мне в общем-то не было больно, но я не смогла сдержать крика. Он замахнулся своей устрашающей ручищей:

– Замолчите!

Потом встал, касаясь бритой головой потолка, снял с цепочки золотой медальон и нанизал его на свой шнурок. Это было мое первое в жизни

украшение, подарок на крестины. На нем была выгравирована Дева Мария с младенцем Иисусом на руках. Несмотря на то что было мало света, мужчина действовал очень ловко.

– Вот так, – сказал он, – так будет правдоподобнее.

Он велел мне приподнять волосы. Повесил шнурок мне на шею – медальоном вперед, и я почувствовала, как он затягивает петлю. Он подтянул ее, чтобы я поняла. Жесткой щетиной он прижался к моей щеке, вынуждая запрокинуть голову назад, и почти дружелюбно прошептал:

– Скоро начнут попадаться люди. Постарайтесь быть на высоте. При первом же промахе я задушу! По-настоящему!

И мы снова поехали. Не могу выразить словами, в каком я была состоянии. Мне хотелось одного – проснуться. То, что мелькало по обе стороны дороги и было знакомо мне с детства, теперь казалось страшным, как ночной кошмар. Меня трясло от холода и лихорадки одновременно.

Внезапно на фоне неба вырисовался мост. У въезда двигались силуэты с фонарями в руках. Зажглись прожекторы, я затормозила. Я чувствовала, как за моей спиной, лежа на полу, мужчина вжался в койку, а его шнурок, скрытый моими волосами, натянулся у меня на шее. Он спросил меня:

– Сколько их там?

Его голос звучал прерывисто и, как и его руки, ничуть не дрожал. Подъезжая, я насчитала семерых. И сказала ему. При свете моих фар и их прожекторов я увидела, что это солдаты в серо-голубой форме и касках с винтовками и что они перегоро-

дили дорогу двойным рядом рогаток. Их командир подошел ко мне, поднял руку, чтобы я остановилась, я узнала его – часто встречала в городе. Это был крупный мальчик с резкими чертами лица, черноволосый, с перебитым носом боксера: старший унтер-офицер Мадиньо.

Он тоже узнал фургон моего мужа. Подошел к дверце, спросил: «Это вы, Эмма?» Нас освещали безжалостные лучи прожекторов, в которых тени казались совсем черными, да и он сам казался мне нереальным.

Он сказал мне:

– Из крепости сбежал заключенный. Вы не видели ничего необычного на дороге?

Я слегка покачала головой, в основном из-за петли, затянутой вокруг шеи, но это выглядело, как проявление удивления. Я ответила отрицательно, мой голос даже не дрогнул:

– Нам на пути никто не попадался.

На мне, сидящей за рулем, были только коротенькая нижняя рубашка и белые чулки. Не различая выражения его лица, скрытого тенью, падающей от каски, я чувствовала, что он смотрит на меня как-то недоверчиво. Он спросил меня:

– А где ваш муж?

Я сказала:

– Сзади. Он спит.

Я опустила глаза. Сердце билось оглушительно. Не знаю, чего я на самом деле хотела в эту минуту: чтобы он заметил человека, спрятавшегося под койкой, или чтобы он дал нам проехать. Я увидела, что его взгляд направлен внутрь фургона, но лишь на секунду, он не стал наклоняться к окну с моей стороны, снова задержал его на моих голых плечах,

приоткрытых бедрах. Наконец прошептал, хотя я так и не поняла хода его мыслей:

– Конечно, это же у вас была первая брачная ночь.

И он отошел.

И снова при ярком свете жестом велел солдатам, чтобы те убрали заграждение. Он сказал мне громко, чтобы скрыть смущение:

– Будьте осторожны, Эмма. Человек, которого мы разыскиваем, просто чудовище. – И, поколебавшись, добавил: – Насильник и преступник.

Я открыла рот, возможно, чтобы попросить о помощи, но человек за сиденьем догадался, дернул за шнурок еще сильнее, чем в первый раз, так что голова у меня резко дернулась назад и я закрыла глаза. Старший унтер-офицер, я уверена, решил, что это реакция молодой жены, еще не оправившейся после первой брачной ночи, и стал корить себя, что слишком напугал меня.

Я тронулась с места, сама не знаю как. Проехала мимо солдат в голубом по узкому проходу между грузовиком, накрытым брезентом, и рогатками. Двое или трое из них подняли фонари, чтобы посмотреть на меня, а один, увидев банты из белого тюля, украшавшие бывшую карету скорой помощи, даже выкрикнул:

– Да здравствует новобрачная!

На мосту я набрала скорость.

Через минуту незнакомец выпрямился во весь рост у меня за спиной, и я почувствовала, как шнурок скользнул вокруг шеи. Он сказал, освобождая меня:

– Вы хорошая девушка, Эмма. Ведите себя так же послушно, и скоро все будет в порядке.

Я услышала, как он роется в шкафчиках под койками, а потом он внезапно появился рядом со мной, перешагнув через сиденье, с банкой маминых консервов в руках. Он стал есть, сперва руками, потом рывками запрокидывая банку и вываливая содержимое в рот. Я не видела, что именно он взял, и не чувствовала запаха – так от него разлило болотом. Он молча жевал, не отрывая глаз от дороги, вид у него был не менее невозмутимым, чем у какого-нибудь нотариуса, и поскольку я невольно поглядывала на него, ведя машину, он отвернул от себя мою голову, надавив грязным пальцем на щеку.

Опорожнив банку, он приоткрыл окно и выбросил ее на дорогу. Он сказал мне:

– Я ничего не ел со вчерашнего утра, только несколько устриц, которые смог слямзить. Я разбивал их камнями. – Потом добавил без перехода: – Скоро перекресток. Поверните направо к Ангулему.

Я испытала некоторое облегчение. После заставки нервы были напряжены, в голове – пустота. Я долго выбирала слова, прежде чем осмелиться заговорить. Я знала, что стоит только начать, из глаз брызнут слезы, которые я изо всех сил сдерживала, и он увидит, что я глупая, слабая и боюсь его. Чтобы скрыть это, я стала всматриваться в темноту, стараюсь разглядеть что-то в свете фар, и сказала:

– А почему бы вам не оставить меня здесь и не поехать дальше одному? Если вы сами сядете за руль, получится быстрее.

В моем голосе все-таки прозвучали жалобные нотки, и слезы внезапно затуманили глаза.

Он ответил, даже не посмотрев на меня:

– Не говорите ерунды. Не знаю.

Мы углубились в Шарант: либо он хорошо знал эти места, либо изучил по карте перед побегом. Я молчала, а он дремал или делал вид, и только открывал глаза, чтобы сказать мне, куда повернуть, но так и не сообщил, куда именно мы едем. Постепенно я догадалась, что мы не едем никуда.казалось, он только хотел проезжать спящие деревни, нарушать их тишину. Движения ночью в те времена почти не было, особенно на небольших дорогах, по которым я ехала. Нам навстречу попало всего две машины, но оба раза, видя их приближение, он протягивал руку к рулю и, как сумасшедший, нажимал на клаксон. Потом с довольным вздохом возвращался на койку.

Ни у него, ни у меня не было часов, но он хотя бы мог наклонить голову и взглянуть издали на часы на фронтоне церкви. В какой-то момент, внимательно посмотрев на меня, он сказал на удивление теплым голосом:

– Ладно, через полчаса где-нибудь остановимся и вы сможете поспать.

Но этого не случилось. Через несколько минут на лесной дороге мотор несколько раз захлебнулся и заглох. Кончился бензин. Мы стояли на пологом склоне и он крикнул, чтобы я продолжала двигаться вперед. Ниже он неожиданно велел мне свернуть на грунтовую дорогу, ведущую в лес. При свете фар мне показалось, что мы разобьемся.

Когда фургон, который так трясло, что я подкакивала на сиденье, наконец остановился, мужчина выглядел разъяренным. Думаю, он винил меня в том, что я не предупредила его, что бензин подходит к концу, но я бы тут же ему ответила, что об этом даже понятия не имела. Я была настолько вы-

мотана, что уже не слушала, что он говорит. Мне только хватило сил положить голову на руки, держащие руль, и заснуть.

Мне показалось, что он сразу же начал меня будить, но когда я открыла глаза, уже рассвело. Мужчина стоял снаружи возле моей двери – черные пронизательные глаза, многодневная щетина, лысый череп и одежда каторжника, вымазанная грязью. Кошмар продолжался.

Он сказал, что я проспала три часа и он тоже поспал. Я повернула голову, чтобы взглянуть на «любовное гнездышко». Все вперемешку валялось на полу: еда, одежда, мои кастрюли, все-все. Я смотрела на это сквозь слезы ярости, но он не пошевелился. Он сказал, как будто это было абсолютно естественно:

– Мне нужны были деньги на бензин.

Я крикнула:

– Вы не могли попросить у меня?

Он улыбнулся, и меня удивило, что у него белые зубы, они совсем не шли ему.

Он сказал:

– Я искал многое другое, но не нашел. Только это.

И внезапно он поднес мне к глазам бритву мужа с открытым лезвием.

Я невольно отпрянула. Он закрыл ее очень медленно и сказал мне:

– Давайте, выходите.

Рассветное солнце уже поднималось за деревьями. Я дрожала в короткой рубашке. Мы пошли к задней дверце машины, я совсем ооченела. Тогда он спросил, не голодна ли я или, может, хочу пить или писать.

Я сказала, что хочу что-то надеть на себя.

Он ответил бесцветным голосом:

– Это невозможно.

Я не стала спорить. Сказала ему, подавив гордость, что мне действительно на несколько минут нужно остаться одной. Он указал пальцем на рошцицу:

– Вот там! И не забудьте, что я бегаю быстрее вас.

Затем, когда я вернулась, он дал мне стакан теплого кофе и два кусочка шоколада. Он стоял передо мной и не спускал с меня глаз, но я на него не смотрела. Я уставилась на его грубые башмаки, которые он перешнуровал. Я спрашивала себя, сколько времени он еще будет держать меня в плену, сколько времени мы будем топтаться на месте, пока его не поймают.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА